

Старые милиейские волки утверждают, что успех того или иного телефильма можно определить по количеству не совершенных во время его показа преступлений. В этом смысле фильму "Семнадцать мгновений весны" не было конкурентов. Не только у нас. Один теледатель посетил как-то Венгрию и, видимо, после дружеского ужина спросил потихоньку венгерского пограничника, не бегут ли венгры в соседнюю благополучную Австрию. "Сейчас нет, - ответил венгр со всей уверенностью. - Сейчас по нашему телевидению идут "Семнадцать мгновений"..."

Прошло двадцать лет и два года. Все стало другим: Венгрия, Россия, Германия "наша" и "не наша", строй, государство, мы сами. Если бы представить себе "Мгновения" в виде долгоживущего спектакля, то наши чуткие актеры давно бы поменяли интонации... Но фильм, слава Богу, - это действительно картина. Не замазать, не примазать. Как есть, так есть.

В некотором смысле профессия режиссера скорее женская, чем мужская. Но режиссеров-женщин в кино - раз, два и обчелся. Хотя каждая из них - "номер раз". Например, Лиознова.

- Татьяна Михайловна, начнем с того, что я спрошу вас: а куда вы пропали?

- Я из тех режиссеров, которые вообще редко снимали картины. Для меня был более важен другой вопрос: насколько моя картина войдет в плотные слои моего народа, моего зрителя, чтобы это дало всплывши в их умах и сердцах. После "Семнадцати мгновений" я вообще черт-те сколько молчала. Потом были только "Карнавал", "Мы, нижеподписавшиеся", "Конец света" с последующим симпозиумом. Это объясняется совершенно не модной сейчас причиной. Объясняется только тем, что я или хотела ставить, или не хотела. А я всегда ставила только то, что хотела.

А молчание... Я промолчала даже тогда, когда недавно был какой-то юбилей "Семнадцати мгновений"...

- Двадцать лет.

- Да. Ну подумаешь, народный праздник. Картины стареют, это их свойство.

- Но не "Мгновения", наверное?

- И они тоже. Я предвидела и знала, что фильм будет иначе восприниматься при каждом новом показе. Ибо это тоже вошло в плоть моей профессии: соизмерять свои желания с тем, как это будет воспринято зрителем.

- Что именно вы предвидели, что будет не так смотреться?

- Главное обстоятельство - странички войны. Хроника. Я сидела почти полгода в фильмохранилище, выбирая совершенно точно по дням документальные кадры, и к ним приплюсовывала "Мгновения". Я хотела и сделала все-таки не то, что у Юлиана Семенова, а то, что есть часть моей собственной жизни, - это фильм о войне, которую мы выстояли. Штирлиц - один из нас. Просто у него другая работа.

Я вообще все время делаю кино про человека, делающего свое дело честно и до конца. И если бы я делала "перестройку", то именно с этого бы и начала, сделала бы ставку на таких людей...

Меня как человека, как гражданина эти военные кадры не перестают волновать и вышибать сердцебиение и слезы. Потому что, скажем, в нашей семье, как почти в каждой другой, ну просто все мужчины перебиты, включая моего отца. Никто не вернулся с войны. Неизвестно, где могилы. Все женщины остались в одиночку.

Кстати, к вопросу о застое, о том, что мы "на боку лежали", "лентяи", "совки" - кто мог сказать такое слово про свою Родину? Про своих соотечественников? Кто это придумал? Боже мой... Все женщины, которые остались без мужей, своих детей "дотянули", и кончили они школы, и получили высшее образование - это что? Где могло это еще произойти, в какой другой стране?

Почему я молчу?.. Мне уже не набрать сил, чтобы снова встать в рост и сказать свое слово. Видите, даже те, кто здоровее меня, моложе, - они предпочитают рассказывать про "интердевочек" и другие постели, и голые тела, нежели про вещи, которые касаются жизни народной. А я от этого не откажусь никогда.

- Вы сказали о жизни народной. Для меня всегда было загадкой, почему фильм "Семнадцать мгновений весны", снятый как бы в рамках другой страны, - почему он такой русский, такой свой? Почему он всем близок? В чем соль?

- Так было задумано: чтобы любым зрителем фильм был понят и принят.

Главная идея - работать так, чтобы Родина победила, - воплощена в Штирлице. Все работало на это: начиная с выбора актеров, включая музыку, включая кадры хроники, которые Штирлиц не мог видеть, но я как художник наделила

Фото из архива Лиозновой

Комс. правда. - 1995. - 17 мая. - с. 8.

Татьяна Лиознова вскормила Штирлица с ложечки

КРУПНЫМ
ПЛАНOM

Однако
режиссеру
знаменитого
телесериала
пенсии едва
хватает на
квартирату

его неким чутьем, знанием, памятью, которые давали ему возможность вспомнить подробности и Сталинградской битвы, и блокады Ленинграда - того, что составляло кровавые и в то же время поразительные картины прожитой народной жизни.

- Как вы подбирали наших актеров? Почему Табаков? Главное: почему - Тихонов, откуда вы его взяли? А Бронева - ну какой он фастер, а поди ж ты... По каким критериям они проходили?

- Все дело в образе мышления. Для меня главное в работе с актером - расшевелить его, разбудить фантазию, чтобы мысль двигалась именно так, как я ее задумала.

Картина обычно предшествует кинопробы, как вы знаете. "Семнадцать мгновений" - сделаны без единой кинопробы. Это ведь так обидно бывает для тех, кто пробует и не проходит...

- Актеры удивлялись этому?

- Они не удивлялись, потому что очень долго перед этим репетировали. С разными партнерами.

Весь выбор - это тайна моей внутренней жизни. И бесконечного погружения в сцены будущего фильма. Прогрессивное в уме всей картины с разным сочетанием актеров.

- У каждого свой любимый момент в вашем фильме. Для многих, особенно женщин, - это встреча главного героя с женой... Как она придумалась? Были ли реальные прототипы, точнее, "протоистории"?

- Во-первых, как была подобра актриса... И я все время говорила - мне такую надо, чтобы русское лицо было, ясное и простое. И вот привезли. Это была актриса Шашкова из театра имени Вахтангова.

...Таких историй было много. Чтобы придумать сцену встречи с женой, мне нужно было знать их как можно больше. Но как? Разведчик так просто ничего не расскажет, с ним надо пуд соли съесть... Так что эта драма составлена из нескольких.

Ближе всех к экранной стояла история одного нашего генерала.

Во время нашей с ним поездки он показал мне конспиративные квартиры, мне меняли номера, как положено... Потом он рассказал о своих редких встречах с женой. Вообще им иногда устраивали свидания в гостиницах: двойные номера, ключи заранее заготовлены, чтобы у портя не брать, одна ночь, и все. А однажды разведчик должен был оказаться на одной станции в чужой стране, далекой от нас,

а она - ехать в поезде в таком-то вагоне...

В этой сцене, о которой мы так много говорим, - оправдание еще одной ситуации. Я Габю посадила за тот стол, где сидела жена. Поэтому... он с ней и переспал бы, может, сто раз, но вот... она сидит на том месте, где сидела его жена. Я больше всего боялась замечаний по этому поводу: Штирлиц обязан был иметь женщину, ибо, если б ее не было, это привлекло бы внимание. Что он - гомосексуалист или что еще? Стали бы копать и докопали бы до чего-нибудь... Представьте себе, разведчики это поняли, сказали: "Мы благодарны вам за то, что вы так приподняли и так вдохновенно рассказали об этой, в общем-то, жуткой жизни, которой приходится нам жить." В этой сцене должен был быть еще и ребенок... Потом я отказалась от мысли снимать ребенка. Если иметь в виду правду, отец, не отрываясь, смотрел бы только на него. И я бы потеряла многое.

Потеряла бы Габю. Помните замечательную сцену? Она печатает, он подходит сзади: "Наши войска, как всегда, одерживают победу...", потом вопрос - ответ о фруе Зайферт, а потом: "Хотите, сыграем в шахматы?". Славка ни в одной картине не сыграл мужика на сто процентов, как вот здесь. Но для этого нужно было сформировать мужчину, от которого потом были без ума миллионы женщин.

- Вашу главную картину, кроме вас, Тихонова, Семенова, Таривердиева и многих, многих других замечательных людей, сделал еще и Ефим Копелян, который читает авторский текст. Без его голоса картину невозможно представить...

- О. Копелян - это... подарок. Умный, веселый, талантливый, наивный и чрезвычайно дисциплинированный человек. Я мечтала пригласить его на роль. А получилось - только на авторский текст. Позвонила ему в Ленинград и просила передать, что колосно-преклонно прошу его согласиться. Работать с ним было сплошным наслаждением. Он приезжал и, хотя был только что с поезда, всегда успевал побриться и переодеться в белоснежную рубашку, ни разу не изменил себе. Мы стали соратниками. Его голос звучит так, будто он знает больше, чем говорит.

- Как раз хотела сказать вам о том, что весь фильм "Семнадцать мгновений весны" отмечен потрясающим вкусом. Откуда у вас все это?

- Многие приложили руку, и прежде всего моя мама, у которой было три класса образования и которая "образовывалась", оставшись без мужа, вместе со мной. Тогда начались наши совместные слушания музыки. У меня было много записей.

Откуда что?.. У меня был замечательный учитель. Герасимов. Сергей Апполинарьевич был для меня непререкаемым авторитетом. Кто у него учился, тот знает силу его обаяния. Вел он некрасив был - но неотразим.

Что касается именно "Семнадцати мгновений весны", то тут, по словам Лиозновой, у нее были консультантами талантливейшие люди из КГБ и разведки. И так ей бывает горько, когда "сукины дети" сыплют на них грязь и камни: "Уж хуже этой работы ничего нету".

Одна из этих историй (которые, как можно догадаться, легли в основу многих режиссерских решений "Мгновений") перескажу своими словами. История и впрямь жуткая. Разведчица А. вместе с мужем, тоже разведчиком, перешла границу с Китаем, будучи беременной. Первый мальчик родился у них в Китае и сначала научился есть палочками, а потом ложкой. Потом они двенадцать лет жили в Южной Америке, там родилось еще двое детей. Глава семьи стал настоящим дельцом, он зарабатывал деньги, к нему приходили за деньгами наши люди. Раз в неделю он выходил на связь. М. был полковник, Аня - подполковник.

Они хорошо внедрились, дети естественным образом стали ка-толикаками, говорили только на языке той страны, где они жили... Именно это и помогло семье впоследствии отбегать разведчики испугались, что у них "погибают" дети. Они оставили соседям все, что у них было, даже корм для попугая. И уехали все вместе. Недели полторы их возили по всему свету, чтобы запутать следы. Детям сказали, что отец едет по делам и берет их с собой прокатиться.

Когда поезд Будапешт - Москва пересек границу, М. закрыл купе: "Сидите, дети, мне надо с вами поговорить. Дети, мы с вами русские. Мы - советские. Мы едем домой." Мальчик Джонни, самый маленький, три месяца после этого ни с кем не разговаривал: он не мог примириться с мыслью, что его всю жизнь обманывали. К тому же родителей прямо с вокзала развезли по госпиталю: ее с инфарктом, а его с инсультом. А детей отравили в "Артек".

Когда они еще были "дома", в Южной Америке (для детей это был дом без какого-либо намека на кавычки), маленький Джонни сказал как-то утром (а он спал с родителями): "Мама, ты что ночью кричала: 'Пожар, пожар!' Мать потом рассказывала: "У меня за все время впервые просто ноги отнялись". Пришлось сделать вид, что эти слова на незнакомом мальчику языке ему послышались.

- Тут много горечи, о которой я никогда не говорю... У меня профессия - режиссер, я обязана, как говорится, "съесть и пойти дальше". А та семья... Дети оказались искалечены, один уже умер (тот, кто в Китае родился) ... У них итры странные были, у А. и М., - он ножом так вот бросал, вокруг, как в этой картине, потом становился он, и она бросала. Так они руку оттачивали.

... Был один рабочий просмотр. Шел материал сырой еще, и консультанты позвали, кого хотели. Актеры пригласили жен. Мы же там все пропадали, моя мама меня просто не видела. И первый раз, когда птицы полетели, я увидела - в зале замелькали платки. Я ничего не поняла - весь зал был белым от платков! А уж про сцену с женой и говорить нечего - все плакали. Потом один очень крупный разведчик мне сказал: "Как вы упали, что птицы для разведчика - невозможная вещь? Смотреть нельзя". А мне никто не рассказывал, все по наитию. ...Нет, все-таки кино - это упоение!...

Хитроумные телевизионщики, из тех, что руководят и не бедствуют, так и не удосужились придумать методику подсчета зрителей, смотрящих ту или иную картину. Но и без компьютера ясно, что "кассовый" "Семнадцать мгновений весны" нет и не было у нас телефильма. Ни копеечки за повторы режиссер не получала.

Лиознова давно продала автомобиль, без которого друзья ее и не мыслили. Пенсии едва хватает на квартиру. Кофе - почти роскошь. Однажды Татьяна Михайловна хотела купить килограмм киви, уже вытаскала деньги, но выяснилось, что цена проставлена за штуку. Так и ушла.

... А ностальгия-то - штука вовсе не географическая...

Татьяна КОРСАКОВА